

Татьяна Маркова

Иллюстрации Елены Станиковой

Проф-ориентация

Школьники с фамилией на букву «С» или «Т» — кабинет триста пять.

По удобной, пологой лестнице Ната поднялась на третий этаж. Навстречу ей из кабинета выскочила сияющая Нинка Туркеева. Ната проводила ее глазами, выдохнула — и вошла.

Мягко мигнули индикаторы: сработал генный идентификатор личности.

— Присаживайся, пожалуйста, — сказала женщина с профессионально приветливым лицом. — Вот твои рекомендации.

Важные сведения по традиции выдавались запечатанными. Но у Наты вдруг задрожали руки, пальцы заскользили по тонкому пластику конверта. Она беспомощно, как маленький ребенок, подняла глаза:

— А что там?

— Оператор швейных машин, кинолог и работник ботанического сада, — мягко ответила женщина. — Ты очень разносторонняя личность, Наташа! Ты, наверное, еще не решила, что выбрать? У тебя будет неделя на размышление.

— Но я давно выбрала! Я хочу быть врачом! У меня «отлично» по биологии, высокий уровень эмпатии, я работала волонтером в госпитале...

Ната замолчала, тяжело дыша, вцепившись в так и не открытый конверт.

— Ты не можешь знать, что лучше для тебя. Поработаешь пару лет — и разочаруешься. Человек счастлив, если он соответствует своему предназначению, и вот это и выявляет глубокий генный анализ...

— Зачем вы мне лжете? Все знают, когда этот ваш генный анализ запрещает высшее образование!

Методист на секунду отвела глаза на широкое окно. Она была немолода и каждый год со страхом ждала Дня социальной справедливости. В этот день оглашается список счастливых, кому можно больше не ходить на службу, — и все отлично понимают, что это значит. Пенсионеры редко живут дольше трех-четырёх лет. И день выпускника ничуть не лучше. Обычно компьютер запрещает отличникам продолжить образование по простой причине: если человек заведомо не доживет до тридцати, незачем на него тратить средства.

С привычным усилием женщина перевела взгляд на девчонку, скорчившуюся в мягком кресле.

— Да мало ли, почему не подходит профессия! — Она незаметно потянулась к ящику стола, где ждал своей очереди шприц с транквилизатором. Но девчонка справилась с собой. Распрямилась.

— Хорошо. Я выберу за неделю.

Женщина смотрела ей вслед. Впору завидовать троечникам. Впрочем, будь она в свое время троечницей, кто бы ей позволил стать педагогом... Она прижала шприц к шее, ввела транквилизатор себе. Мусорная корзинка сыто заурчала — ей сегодня уже досталось несколько таких шприцев.

— Если вмешательство в геном запрещено, почему можно вот так... Все известно с рождения, только нам не говорят!

Ната все-таки не удержала слез, оказавшись в коридоре. Забилась в угол на пружинистый, приятного цвета диванчик. И Антон, выйдя из кабинета для школьников, фамилии которых начинаются на А, нашел ее только потому, что хорошо искал.

— Тихо, тихо. Все обойдется. — Он сел рядом. Обнял Натю, даже покачал осторожно.

— Послезавтра еще «Золушкин бал», — всхлипнула она. — Девчонки наряжаются, собираются и ждут: а кого это объявят невестой? Кто выйдет замуж в этом году? Глупые гусыни. А я никогда не выйду замуж. — Она всхлипнула снова. — Какой смысл идти туда и ждать? Не пойду — и все.

— Ты выйдешь замуж, — твердо сказал Антон. — За меня. Я что-нибудь придумаю.

— Нам не позволят. И никуда не убежать... не спрятаться...

— Позволят.

— У тебя-то как? — спохватилась она.

— Нормально.

Она затихла на его плече. Так устала за эти полчаса. Ей очень хотелось верить, что Антон сделает что-нибудь, он умный. А вдруг и вправду все обойдется?

Антон, прижав к себе заплаканную девчонку, думал: хорошо, что она не видит его лица. И хорошо, что не придется ничего выдумывать. Центры планирования семьи только приветствуют, чтобы двое маложивущих поженились. Это снимает социальную напряженность...

Он старался не шевелиться, чтобы не хрустнул в кармане его конверт с рекомендациями. С той стороны, где к нему прижалась Ната.

— Все-таки не пошла? Ты сумасшедшая, — сказал Антон. — Тебе попадет.

Пахло травой. Они сидели в дальнем уголке парка: Антон — в старенькой футболке, Ната — в длинном белом платье с фестонами. Мама расстроилась меньше, чем боялась Ната, — неужели знала? Мама не допускала мысли, что можно не ходить на бал.

— Хуже теперь не будет, — фыркнула Ната. — Да там, наверное, все уже закончилось. Счастливицы бросают букеты, а остальные ловят, устроили свалку...

— А где твой букет?

«Выкинула», — хотела сказать Ната, но пришел экстренный вызов, и она машинально прижала кнопку коммуникатора.

— Трифонова! Ты почему не была на балу? — кричала Нинка. — Ты с ума сошла? Ты же избранница! На этот год!

— Что? — пролепетала Ната.

— Что-что! Почту проверь!

Обомлев, Ната просмотрела официальное письмо. Прогноз: замужество в течение ста календарных дней. Прогноз: пятеро или шестеро детей... Боже мой, разве сейчас бывает столько детей? Так вот почему ей не разрешили учиться на настоящего специалиста! Она всю жизнь будет их воспитывать, когда уж тут учиться и работать... Счастливая, не веря себе, она повернулась к Антону — и осеклась.

— Антошка! Теперь мы с тобой...

— Мы не сможем пожениться. Я буду оператором уборки, — тихо сказал Антон.

В парке пахло травой и сиренью. Шелестела листва.